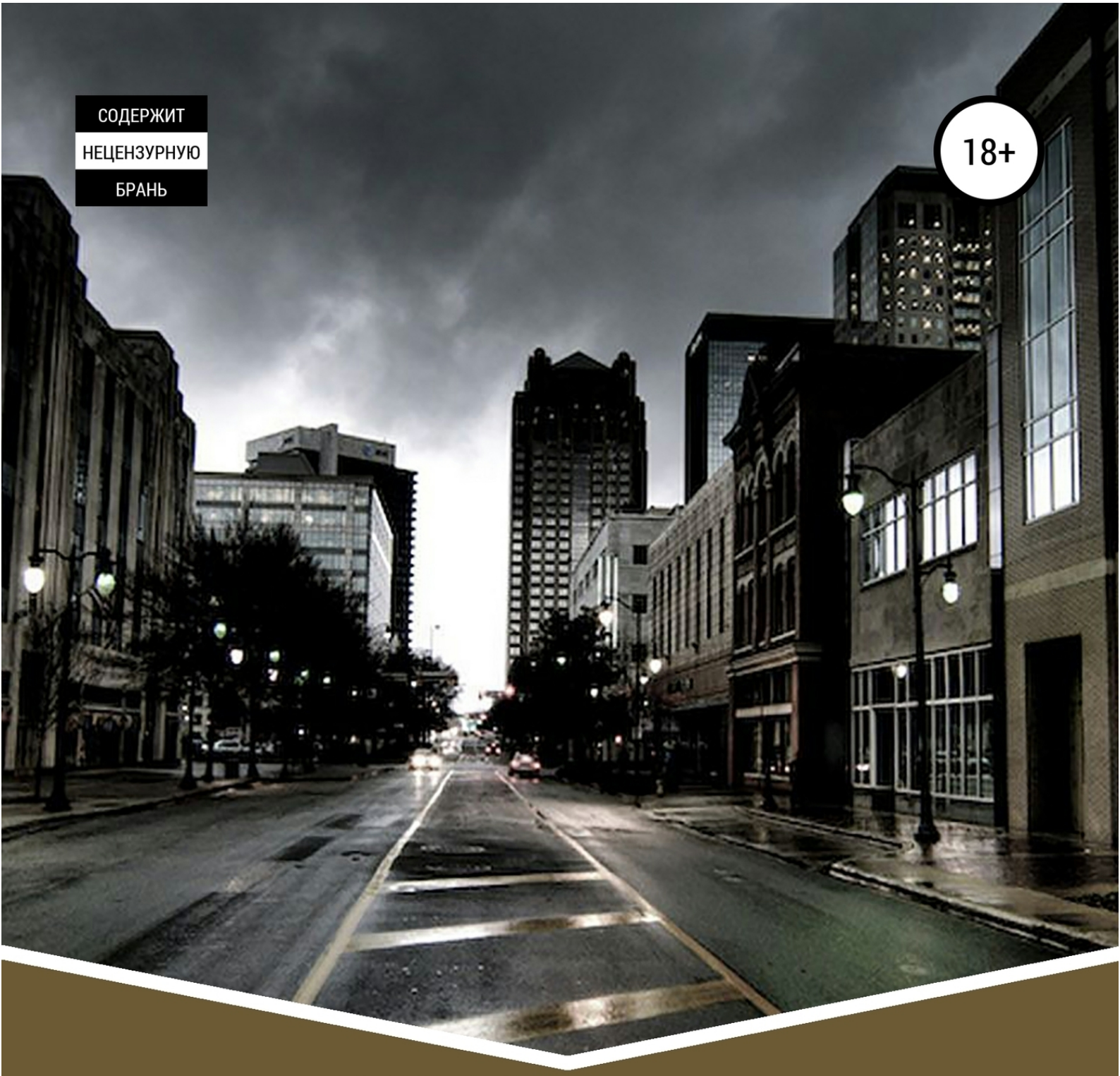

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

В.И. Максимова

Исповедь мадам прорабши

Валентина Максимова

Исповедь мадам прорабши

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Максимова В. И.

Исповедь мадам прорабши / В. И. Максимова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В этом повествовании нет ни имен, ни фамилий только потому, что практически не осталось никого в живых: рано взрослели и рано умирали. За тридцать с лишним лет работы в строительстве, и в основном в мужских коллективах, я убедилась, что мужчины могут тоже страдать, переживать и даже плакать «навзрыд» (был такой случай), что не каждая женщина на это способна.Если бы не ЗЭКи, то в «плане» информации мы «вольные» отстали бы надолго, а может быть, навсегда. Самая грязная, черная, физически тяжелая, неблагодарная, дешевая работа в строительстве выполнялась руками ЗЭКов....Содержит нецензурную брань.

© Максимова В. И., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

В.И. Максимова

Из цикла «То и это время».
ЗЭКам – строителям посвящается.

Исповедь
«Мадам прорабши»
Автобиографическое повествование

2017год, г. Покров

Беззаботное времечко.

Ура! Сегодня в школуне идти, будем целый день беситься на горке! Ребята свистят под окнами, зовут на улицу: все доски-лотки, обмазанныежидким навозом (для лучшего скольжения) и самодельные санки уже «на мази», готовые ко всяческим, непредвиденным испытаниям.

Стоял декабрь 1953 года, «за бортом» минус 42^0С, трещал настоящий мороз, от натяжки «гудели» электрические провода на столбах возле бараков, в одном из которых жила наша семья, пока из шести человек: мать, отец и четверо детей; я была старшей, и все бытовые «шишки» доставались мне, от которых, как могла, так и «отбрыкивалась».

До войны (1941-1945 годов) был у нас построен дом, который во время войны, как говорили родители: «Пришлось проесть»,– были такие люди или «людишки», которые могли позволить себе купить добротный дом за «кусок хлеба». Так оказалась наша семья в бараке, где«люду» было видимо-невидимо, оказавшихся в подобной ситуации. Для кого война «курва», иначе ее не называли, но это было мягко сказано. Войну, как самую дорогую штуку в Мире, «крыли» отборным «семиэтажным матом», а для кого «мать родна».

Жили в бараке дружно, весело, выручали, чем могли друг дружку (коллективом легче выживать). С обувью и тряпками было очень плохо, но зато к каждому празднику, пусть из простенького ситца, было новое платье и сшитые местным сапожником прочными белыми швейными нитками под названием «Парашютный шелк», тапочки «Союзки» из плотной ткани «диагональ», которые чистили зубным порошком перед каждым выходом «в люди»(так,в основном, в теплое время года бегали босиком, а зимой в подшитых, накоротко обрезанных валенках). Фантазиям не было предела:– все шилось, вышивалось, строчилось, вязалось (вплоть до нижнего белья) руками.

В бараках (их было четыре) на «Курлы-мурлы» (так называли улицу имени Карла Маркса) было по одному общему коридору длиной (точно не помню) около двадцати пяти метров, где и собирались все ребята и девчонки (правда, их было мало, как В.Пикуль писал «одна пятнадцатая часть женщины на одного мужчину»). Шум, гам, моментные драки, визг девчонок, растаскивающих задиристых ребят, крики взрослых, выскакивающих из комнат и кричащих: «Чтобы мы на век заткнулись и замолчали, чтобы у нас заложило в глотках», непонятные звуки раздавались при популярнейшей игре «уголок-массаж-променаж»: это когда человек двенадцать-пятнадцать, прижимаясь к стене и двигаясь вдоль стены, давят первого, который оказался в углу. От такого натиска этот первый не выдерживает и буквально выдавливается из угла, бежит и становится в «хвост» этой давящей очереди; таким образом уже выдавливается из угла второй участник. Эта игра так быстра, что после четырех-пяти выдавливаний бежишь к «запасникам» на «отдых». Такой «гвалт до потолка» мог возникнуть в любое время суток.

И вот, в один из таких желанных погожих и морозных дней, когда в школу нельзя, а на горку можно, мы кучей «высыпали» из бараков на улицу, где уже нас встречали собаки всех мастей. От радости, что сейчас побегут с нами на горку, виляют хвостами, колотят ими по

твердому, слежавшемуся снегу, высунув языки, как будто летом, «улыбаются» во всю морду и ждут не дождутся, когда мы сцапаем всю эту скользящую снасть и понесемся на горку.

По дороге на горку собаки с лаем и визгом стараются забраться на санки и лотки, чтобы мы их везли, по своему соображают, что на горке им кататься не придется, а горок, очень крутых у нас было предостаточно, и природных, и искусственных, так называемых «отвалов», созданных из руды пустой породы, вывезенной из шахты каталями в вагонетках на «гора».

Скатывались с горки только «поездом», в который входило в общей сложности не более семи лотков и санок, больше тоже можно, но не тот «эффект»: «хвост поезда» закидывался, переворачивался, мы все вываливались, и уже никакого«свистав ушах»; на первых санках «поезда» находился «рулевой», на последних– «хвостовой». «Рулевым» был самый старший из ребят двенадцати –тринадцати лет, а «хвостовой» нужен только для разгона «поезда» на верху горки; остальная «пузатая мелочь»(почему-то нас так называли, вроде бы мы были все поджарые, животов ни у кого не было) набивалась в середину до «отказа», собакам места уже не было. Таких «поездов» набиралось на горке до десятка. Чтобы правильно и с «шиком» съехать с горки зависело только от «рулевых» и тут были «мастер-класс» своего дела. Нам «пузатой мелочи» иногда приходилось даже драться за своего «кумира». Когда вопрос был решен с «рулевыми», они довольные, такой оказанной честью, важно, в кругу «пузатиков», расходились, как по «коням», по «поездам».

В обязанности «рулевого» входило: успокоить и объяснить: «что с горки съезжать не страшно» в том случае, если появляется новый «пузатик»; «после съезда с горки, чтоб попусту никто не хныкал»,– это касалось и девчонок, а кто ушибался (всякое бывало), тому оказывал первую помощь– прикладывал к ушибленному месту «холод»-снег; если самих «ушибленных» и мест было много, и «рулевой» не успевал, то тут включались помощники со вторых санок. Вот так, вроде бы в игре, прививалась ответственность за другого человека, когда с кем-нибудь случалось серьезное, то можно правдивую и подробную информацию получить от «рулевого». Никогда и никто с места случившегося не уходил и тем более не убегал. Если «рулевым» была девчонка, то, как правило, все ребята были в «ушибах». «Пройдох» сразу же обнаруживали, стаскивали с санок (если они благополучно доезжали до «подошвы» горки) и заваливали их снегом, чтобы не орали.

Итак: все готово, «инструктаж» проведен,– производится загрузка; «рулевой» ложится животом вниз на первые санки, растягивается во весь рост, ноги засовывает в завитушки вторых санок– вот и весь «сцеп»,-живой и свободный: ноги в любой момент можно выдернуть и пустить «поезд» на самостоятельный, никем не управляемый ход, но это нисколько не интересно, а вот интересен был именно управляемый ход «поезда»-это описывать долго, а вся процедура по скатыванию с горки занимает считанные секунды. «Рулевой» отталкивается руками, как бы приводит «поезд» в движение; «хвостовой» разбегается с небольшого расстояния, резко толкает «поезд» и одновременно плюхается во весь рост на санки так, чтобы (если понадобится) можно будет тормозить, и в ту же секунду ты проваливаешься в «тар-тарары»,– почти что вертикально. Тут вот и начинается светопреставление: кто свистит, кто орет, кто визжит, собаки бегут следом, сходу запрыгивают на нас, у них не получается, едут на задних лапах с тявканьем и визгом, в ушах от скорости свистит, дух захватывает, какое-то время даже не дышишь. Под горой «поезд» останавливается, начинаешь кругом озираться –«вроде бы живая»– щупаешь себя– «не сон ли?», вываливаешься из санок, встаешь. Теперь проблема, как подняться на гору? Карабкаешься на четвереньках, в руках веревки от санок и лотков, собаки хватают всех за штаны, за телогрейки, фуфайки, хапают за веревки от санок, задом ползут кверху, передние лапы не держат, получается такое «кино»,– если бы пленку пустить назад. В итоге: шаг шагнешь, пол шага назад– вот таким «Макаром» минут через 40 приползешь на горку, достанешь ломоть замерзшего хлеба, а собаки тут, как тут, вытаскивают изо рта хлеб, как кость, опять свалка, кутерьма, но теперь уже с собаками. Пока все успокоятся,

отдышатся, и опять все сначала. Крутизна искусственных горок достигалась за счет рваной поверхности кусков руды после взрыва.

Дни зимой короткие, раз пять скатишься, а то и меньше, и день прошел. Возвращались домой все вывалявшиеся в снегу, голодные, еле волокем ноги. Идти домой, ну совсем не хочется; там делов «полон рот», мать с отцом начнут ругать: «Ни валенок, ни телогреек на вас не напасешься» (и правда, на нас все рвалось и «горело», как на огне), еще этими же штанами, замерзшими и в сосульках отлупят, а драли нас частенько потому, что росли мы «неслухами».

Бегали только в подшитых валенках: отец подшивал, а дратву для подшивки, деревянные гвозди, заплатки из кожи для запятников и голенищ, обрезку и изготовление стелек из кошмы и изношенных валенок-все это делалось нашими ребячьими руками: если не будет заготовки, отец валенки не подошьет (пробовали сами подшить, но не хватало сил протянуть дратву),а без валенок нам горки не видать, как «собственных ушей»-это для нас пацанов и пацанок полнейшая катастрофа, где же собираться ребячьему «опчеству?» Телевизоров в то время не было.

Примерно такая же картина просматривалась, когда катались на лыжах, только крутизна горок была поменьше, и собакам легче было подниматься на горку. Тут была другая проблема: у собак очень часто забивалось ледышками от слежавшегося снега возле подушечек на лапах, и когда их набьется много, то собаки начинают от нас отставать, садятся на задние лапы и выкусывают эти ледышки, а чтобы им помочь, пока не появилась кровь от треснутой кожи, мы их заваливали на спину и выковыривали эти ледышки. Какие же эти зверюги умные: лежат на спине, лапы сложат, как сурок, когда он спит, и не дергаются, и не шевелятся, пока мы их не перевернем и не поставим на лапы. Если все-таки кровь появилась, то обрабатывали рану теплой мочей, благо что такой «препарат» всегда был с собой. К собакам у нас вообще было какое-то особое отношение, сострадальческое что ли? Будки для них делали сами, утепляли сеном, даже собачий лазарет по всем правилам ветеринарии был.

Когда морозы становились посильнее, то нас уже не очень-то отпускали на горку, и тут было другое занятие: рыли в снегу «катакомбы». Снега было столько много, что сугробы наметало выше крыши частных домов, и тогда мы катались с этих самых крыш, как с горки, стараясь «впечататься» во вход «катакомбы»; иногда так «впечатаешься», что собакам не «под силу» нас вытащить без помощивзрослых, хотя санки были нами же оборудованы «противоударным устройством». Очень часто мы ходили с «фонарями» и «подфарниками», которым ничего не помогало: ни «холод» в виде прикладывания льда, ни травка «Бодяга», зато малышня с откровенной завистью и подробнейшими расспросами желали узнать: в каких это «баталиях» мы заполучили такие обширные синяки.

В снежных «катакомбах» было намного теплее и совсем не слышно звука (хоть заорись– никто тебя не услышит).Вот уж тут действительно без собак никак нельзя! Они нам помогали вывозить снег из ходов в оцинкованных корытах с круглым дном и выводили нас из обвалившихся переходов. В этом снежном лабиринте играли в «войну». Сами делали деревянные ружья, стволы которых красили печной сажей, затертой на натуральной олифе, чтобы блестели. Без собак вообще никакой бы жизни не было!

Летело времечко также быстро, как «с горки вниз». У нас в семье появился пятый ребенок, и как многодетной семье дали разрешение на строительство собственного дома.

г. Покров, 2017год.

Максимова В.И.

СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА.

Шел конец 1954 года, до получения разрешения на строительство собственного дома оставалось чуть больше полутора лет. Отец решил «нахалом», то есть без всяких разрешающих бумаг строить временное жилье на огороде (впоследствии именуемое «времянкой») в

виде небольшого домика размером три на четыре метра,– это двенадцать квадратных метров всего для такой семьи из шести человек, чтобы выбраться со своей «оравой» (детьми) из этого «ада» (так называл отец «развеселую» жизнь в бараке); «если что –раскатать недолго по бревнышку на дрова»,– заключал он в разговорах на эту тему.

У нас было два огорода под картошку, тоже приобретенные «нахальным» способом. Была б моя воля, поставила бы огромный памятник Картошке: сколько спасла людей от неминуемой голодной смерти. Один огород был у «строгалюшки», где отец работал от столярки. Это заведение было знаменито тем, что все, кто работал в нем, были беспалыми; отец тоже не был исключением. Там стояли два строгальных станка по дереву «пятьсот японского» года выпуска, на которых не соблюдался ни один пункт по технике безопасности «по защите валов с ножами»,– тут не только пальцы а всю руку может отхватить. Второй огород был «захвачен» на пустыре против того собственного дома, который «проели» в войну, «чтобы она провалилась…!»

Вот на этом-то огороде и задумал отец строить «времянку», теплую с печкой, как положено для проживания зимой. Дрова для печки заготавливали только зимой по выходным дням (один день в неделю– в воскресенье). В эту зиму решено было родителями заготовку леса на сруб «времянки» приурочить к заготовке дров.

Ну, а пока мы живем всей семьей в бараке, но в «плане» нашего поведения в школе произошли кое-какие изменения: меньше стали «срывать» уроки, очень «полюбили» физкультуру, что учителям пришлось изменить расписание: вместо пяти уроков в неделю сделали три, но по два часа в конце смены, чтобы сразу уходили домой; уже практически перестали ходить на горку, все больше стали налегать на лыжи, каждый старался иметь свою пару. Придумывали разные пропитки и мази (для лучшего скольжения) с пропаркой в котельной при шахтерской бане. Чаще стали ходить драться «улица на улицу» с соблюдением всех неписанных законов и правил «драки»: «лежачего не бьют, задние мослы (ноги) в «ход» не пускать, только тело и чистые кулаки. В случае нарушения правил стойко выносить назначенное наказание (двадцать отжиманий на руках). Допускались хитрость, верткость, обман, выдумка. Никто такого наказания не выдерживал, и в большинстве случаев соблюдали правила. Очень часто драка-игра превращалась в смехопанораму или в одну хохочущую свалку из-за умопомрачительных, манипуляционных телодвижений выдумщиков, и особенно, когда промажешь. В драках-играх мы – девчонки еще могли принять участие, а вот когда «нашенские» ребята дрались с «фэзэошниками» (ФЗО– фабрично-заводское обучение), их привезли осенью на два года обучения, тут было все на полном «серьезе». Мы, как на концерте, внимательно следили за первыми признаками «кровопролития», то есть когда на любой стороне враждующих начинают появляться штакетины, выдернутые из забора или что-то в этом роде; металлического ничего «днем с огнем» не найдешь,– металлолом мы же, школьники, собирали часто и чисто. Наша девчоночья «миссия» заключалась в том: создать две «кучи-малы» и связать самых задиристых– так что мы были уже вооружены веревками, «удавками» (веревка в виде петли), ремнями, вожжами (их у нас было полно, так как лошади работали везде и даже в шахте. Стойла были на конном дворе).Чаще всего такие стычки происходили возле пивнушки с романтическим названием «Голубой Дунай».

Приближался Новый 1955 год!

Мы уже восьмиклассники-комсомольцы. Для нас навсегда закончились пионерские сборы, разного вида слеты, походы с учителями по изучению «Родного края». Для отца я была «девкой с характером бешеной собаки». С той поры, как я начала ходить с матерью на заготовку дров, он меня не драл, наверное, побаивался, что в 14 лет ловко, одним ударом, отрубала топором, который сама же и точила, сучья березы.

В эту зиму произошла заминка по заготовке дров, из-за «времянки»: ходили слухи, что разрешат строить собственные дома при рождении третьего ребенка. Отец не знал, что делать?

Может заготовить лес сразу и на «времянку» и на дом? Уже канун Нового Года, а ясности нет никакой.

Мы любили этот праздник, хлопот у всех было «хоть отбавляй». Только в школе ставили одну елку, привезенную из леса, украшали ее самодельными игрушками в виде толстых конфет с начинкой из сухарей, полувареных гороха и бобов, самодельного печенья (если у кого было) и паренок (это репа, нарезанная кусочками, распаренная в «русской печке», а затем высушенная,– получалось что-то вроде «кураги»). После праздника елка оставалась ободранной, – и разбирать не надо. Конфетти делали «дыроколом» из плотной цветной бумаги и обложек журналов. В других местах и в домах елок не ставили (с этим «делом» было очень строго). Новогодние костюмы фантазировали и шили сами из «обтира»(отходы текстильной промышленности).Старшеклассники ставили небольшие пьесы, в основном смешные, собственного сочинения,

типа: «Урок немецкого языка»:

Колокольчик раздается,
Немка в тапочках несется,
Забегает в пятый класс:
«Вас ист дас? Кишки выдеру из вас,
На стол завалю,
Танцевать заставлю,
На второй год оставлю.

Или:

Светит зоне через фенстер
Прямо на дер тышь
На дер тышь сидит ди катце
И глотает мышь.

Да, в ту пору оповещали с урока и на урок колокольчиком, с ним выходили на улицу, так как вовремя перемены старались ни одной секунды не находиться в здании самой школы.

Учителя действительно ходили в обуви на мягкой каучуковой подошве, чтобы не стучать каблуками; иногда даже не слышали, как заходили учителя в класс, когда мы были все возбужденные и «на ушах».

Декорации были самодельные, собранные «наспех». Во время представления что-то падало, отваливалось, могли развалиться табуретка или какая-нибудь лавка, сбитые стекольными гвоздями из тарной дощечки.

Действующее лицо оказывалось кверху ногами, кувыркаясь, из «драмы» переходило в «акробатический этюд», и не поймешь: то ли так задумано постановщиком, то ли это случайность, но все выглядело натурально и правдоподобно. Принимали участие в концерте хоровой и танцевальный кружки со своими программами. Елка и концерт проходили в спортзале, оборудованном одним «козлом» и десятью матрацами, обшитыми черной тканью, вместо «матов». Впоследствии, когда пошла в девятый класс, спортзал принял надлежащий вид: летом 1955 года отец с четырьмя столярами, за счет шахты, сделали «Шведскую стенку», бум, брусья, укрепили потолок, подвесили кольца и канат. Вместо подарков работал наш школьный буфет (учились в две смены), где можно было купить за чисто символическую цену: (за пятьдесят копеек на старые деньги, как в современных магазинах– все по одной цене и опять же за счет шахты) пирожок с ягодной начинкой, школьную булочку, морковную котлету, стакан «морса» или другого ягодного напитка, кусок пирога с картошкой и жареным луком, манный или пшенный биточек. (Деньги сменились в 1961 году).

После новогодних каникул, на свой «страх и риск» и из-за общего уважения к отцу, лесничий выделил делянку, но с условием: чтобы выпилить ее, как под просеку, то есть подчистую, вплоть до кустарника, и сделать санитарную очистку (очень жаль, что такой поря-

док не сохранился до наших дней; деньги там выплачивались небольшие, но без санитарной очистки ни дрова, ни лес не вывезешь). Отец действительно был уважаемым человеком, когда его привозили пьяного вместе с мотоциклом на самосвале– это надо было видеть, как его бережно «выгружали». Работал он столяром, но его называли «краснодеревщиком», модельщиком, мебельщиком, так как он единственный на весь поселок мог делать мебель: буфеты, горки для посуды, столы на точеных ножках, стулья, всевозможные ширмы, кровати с пружинными матрацами и точеными шишечками, комоды, платяные шкафы, лавки, скамейки, сундуки, филенчатые двухстворчатые двери, табуретки, если у кого-нибудь в поселке что-то сохранилось из мебели тех лет, то это «его рук дело»; кстати, я на память сохранила две табуретки (правда, осталась одна, на другую упали гаражные металлические ворота, – треснуло сиденье, выполненное из кедра). Вот это качество! Ни одна современная табуретка не выдержала бы такой ударной нагрузки. Зато красиво!.Ах, как же мне надоела шлифовка и пришлифовка сопряженных поверхностей, может быть, по этой причине я осталась равнодушной к мебели. Расчет же за сделанную мебель был один, в современном изречении «жидкий доллар»в виде осветленной браги, самогонки «первака 70^0» и «жениха-холостяка» (неразведенный спирт, продаваемый в государственных магазинах в чекушках с синей наклейкой «Питьевой спирт», градусы не помню). Этого «добра» было –хоть залейся!

Лесничего, когда были пацанами и пацанками, мы очень любили. У него был здоровенный пес палевого цвета, если сидит на задних лапах, то вся его голова выше обеденного стола. Детей у лесничего не было, и он всегда нам был рад. Ворота во двор «сроду» не закрывались, впрочем, как у всех, если куда уходят, вставляют в проушину щепку, чтобы не мотало полотно воротины на случай ветра, и что никого нет дома. Так этот пес отлично выполнял такую длинную команду: «Поухаживай и пригласи к столу!» Пес быстро подходил к нам (это касалось любого гостя), рьяно снимал головной убор, если таковой был, ложил на лавку, специально поставленную, поворачивал голову в сторону хозяина, тот кивал головой ему, после этого пес ложился вдоль лавки передними лапами в сторону хозяина. Если гость или гости не проходили к столу, то пес поднимался и усаживался на задние лапы у входной двери сзади гостя или гостей; если места было мало для того чтобы сесть, то он своим туловищем отодвигал гостей; если и в этом случае гость или гости не проходили к столу, то хозяин объяснял: «Придется проходить, он просто не выпустит, и я ничего не смогу сделать». Когда гости проходили к столу, пес ложился возле хозяина. По команде «Проводи!» пес садился на задние лапы. Если гость или гости по какой-то причине задерживались с уходом, то он грозно взлаивал три раза: всем было понятно, что надо уходить, а так пес был добрым, с ним можно было валяться, обниматься, это было так умильно и забавно, что к этому лесничему мы бегали «надо и не надо». Когда же он ехал на лошади, то этот «милый пес» никого не подпускал ближе двух метров, даже нас. Если кто-то нечаянно приближался, он начинал рычать, оскалив зубы. После зимы, перед линькой, мы чесали его; с него было столько шерсти, что хватало на две пары охотничьих носков.

В первый же выходной день после зимних школьных каникул отец с лесничим выехали в лес, чтобы определиться на месте: сколько надо заготовить леса и дров, и пометить размер делянки. Оказалось, что кроме дров, леса должно хватить на «времянку», дом, баню и стайку для коровы. С этого времени я лишилась всех выходных дней до марта месяца. Обычно в марте, до прихода весны, вывозилось все, что было заготовлено в лесу «по зимнику» (лесная зимняя дорога). Пригласить мужиков на помощь не было проблемы, так как «зелья» было полно, только было бы чем закусить. Мы с матерью вырубали кусты, обрубали сучья у сваленных берез, пилили на метровые чурки двуручной пилой (один погонный метр был равен длине самой пилы между ручками). Волоком «удавкой» стаскивали готовые чурки в кучу на дрова, укладывали в штабель для будущего подсчета лесничим в кубах.

У елки, сосны и лиственницы сучки обрубали мужики, их сортировали, толстые откладывали на дрова или для временных стоек, мелкие сучки складывали отдельно для костра

(сжигать сучки разрешалось только зимой), так что все сучки пришлось таскать нам с матерью в кучу, чтобы потом сжечь.

Когда были пацанами и пацанками, отец с ремнем нам втолковывал уроки «экологии» (такого слова «слыхом не слыхивали»): «Пока вас жареный петух в зад не клюнул, запомните, летом в лесу костры разводить нельзя!» Правда, мы их и не разводили. Устраивали прощальные костры в пионерском лагере и когда ходили в походы с учителями.

Такое же «внушение» было по поводу заготовки кедровых шишек, что «шишкарить» можно только после 15 августа и брать те шишки, которые упали на землю от удара лесиной по стволу кедра. Ни в коем случае не лазить на него: во-первых, сучки очень хрупкие, во вторых, если шишки рвать руками, можете сорвать зародыш, из которого вырастет шишка только через четыре года». Некоторые не знали этого, (а может не хотели знать), все-таки лазили и не редко убивались. Даже в природе предусмотрено: таким способом сохранить свое потомство. Говоря о «кладовых» белок и мышей, мы без всякого «внушения» никогда не разоряли их. В момент удара по стволу с кедра падает столько шишек, что не успеваешь отпрыгивать; не защитив свою голову, можно набить и себе настоящих «шишек».

В начале весны привезли дрова и весь лес в «хлыстах» (неошкуренные деревья без сучков) на огород, где будет строиться «времянка». В выходные дни вдвоем с матерью ходили шкурить деревья, где скобелем, где топором, пилили метровые чурки пополам на дрова. Я уже владела топором в совершенстве: могла «классно» подтачивать карандаши, а если еще «пройдешься» нулевочкой (наждачная бумага), то просто получается «Люкс».Заказов было «море». Никаких затачивающих машинок в то время не было.

Мужики-помощники тоже приходили в выходные дни, когда была возможность, приходили и на неделе, подбирали бревна для сруба «времянки», шкурили их, пилили по размеру.

Прошло около двух месяцев, как привезли лесоматериал, а уже был готов сруб для «времянки», осталось пометить, разобрать и положить его на мох, никогда не гниющий. Зная, как действует «жидкий доллар» на производительность труда (с успехом применяемый мной в будущем при «авралах») у отца разыгрался «аппетит»: «А не заготовить ли срубы для бани и стойки пока нельзя драть мох из за снега, который в лесу лежит дольше не тая». Так и сделали!

Школу пока тоже никто не отменял и нам, как старшеклассникам-комсомольцам, поручили шефство над первоклассниками. Классы были переполнены, приходилось малышам даже втроем сидеть за партой. Учителя нам давали план: «На чтообратить внимание в первую очередь», и надо отдать должное, у нас это получалось, особенно у ребят. Мы объясняли, как правильно сидеть за партой, на каком расстоянии держать голову от тетради или книги, как писать палочки для прописных букв. С помощью рисунков, иногда смешных, изучали печатные буквы. Уроки арифметики «преподавались» на конфетах– «голышках» (не завернутые в фантик круглые и подушечки). Называли нас «вожатыми», затем полное имя и из какого класса. Сами же готовились к экзаменам после восьмого класса. Нас «грела» одна мысль: что после экзаменов пойдем в поход по родному краю, но уже без учителей и с настоящими ружьями.

Как только сошел снег, сходили за мохом, подсушили его.Мужики разобрали срубы, заготовили камни на фундамент под «времянку» и приступили к их сборке.

У нас, у школьников начался ответственный период сдачи экзаменов, мне уже было не до участия в строительстве. После экзаменов некоторые покинули родную школу, а те, кто остались, перешли в девятый класс.

Наконец-то наступило долгожданное лето-время походов и знаменитой в ту пору игры «лапта». Игры в «русскую» лапту и «круговую» были по значению одинаковые, только в «круговой» меньше беготни, и в которой могли участвовать молодые женщины (первородки) на первой половине срока беременности. Тетки-«болельщицы», у которых были свои дети, возмущались: «Совсем уж с ума посходили, брюхатые стали играть, вывалится же все», но ничего ни у кого не вываливалось! Мячики для игры мастерили сами и по жребию, вовнутрь кото-

рых закладывался гладкий камень, затем этот камень обшивался новой брезентовой тканью в несколько слоев диаметром семь сантиметров «суровыми» нитками. С этих же ниток крючком вязалась «покрышка», как у футбольного мяча, которой хватало на четыре – пять игр. После превращения «покрышки» в «лохмы» она заменялась на новую. Запасных «покрышек» было не менее десяти. Цель игры: чтобы «мячик» не попал в тебя, когда бежишь. Когда появились прорезиненные мячики, от самодельных отказались, слишком «муторное» это дело– их шить. В этой игре участвовали мужчины в возрасте до тридцати лет, которые нам казались «стариками».

К походу по изучению родного края готовились тщательно по списку, чтобы ничего не забыть, все-таки уходили «надолго» три-четыре дня, не более, с компасами и с настоящими двустволками, обязательно сообщали лесничему маршрут. В школе проходили «военное дело», чтобы парни не были «белыми воронами» в Армии. Ребята стреляли хорошо, мы девчонки – «так себе», нам не нравилась «отдача». В походе принимали участие от восьми до двенадцати человек, как везде– большинство ребята. За лето три – четыре раза ходили в поход. Спали в охотничьих домиках или в сторожках.

Мы еще захватили то время, когда охотничьи домики и сторожки были чистыми, с запасом дров и растопкой (бересто от березы), солью и сухарями, подвешенными в мешочке за рогатину к потолку, уходя, мы оставляли все в таком же виде.

Через шесть лет на заготовке подтоварника для подмостей пришлось увидеть ужасающую картину: полусожженные сторожки были превращены в отхожие места блевотиной и говном. Таких нелюдей– вражин в детстве точно не «пороли».Очень жаль, что не было и нет такой силы, чтоб за такие сверхпакостные дела наказание свершалось бы моментально. У этих нелюдей нет ничего святого-пусть их перевернет в гробу, если они сдохли!

В походе вели записи в дневниках, журналах, отмечали на контурных картах, где мы находимся, описывали склоны горок, собирали необычные камни, чтобы потом писать сочинение: «Как я провел(а) лето» Командный пункт (КП) находился в охотничьем домике или сторожке, находящихся вблизи речушки или ключа, возле которых разводили костер. Обед готовили на костре ребята, по двое. Мы девчонки уходили от костра вглубь леса в сопровождении двух «бойцов-стрелков». Остальные ребята -«запасники», вооруженные до «зубов», лазили везде, что им было интересно, тем и занимались, иногда ничем, просто валялись или загорали в зависимости от погоды. Когда от костра звали на обед-палили из ружья один раз. Когда было что-нибудь серьезное– палили два раза «на помощь», но в любом случае ответный один выстрел был обязателен, если ответного выстрела не последовало, то тут должны идти на помощь «запасники». Ну и были соответственные шутки: придешь «на помощь», а у них на счет обеда и «конь не валялся»,– лежа играют в шахматы и думают: «Как поставить «мат» в три хода?» Когда приходили из похода, то опять же сообщали лесничему.

В это же лето 1955 года мы всей семьей перебрались из барака во «времянку». Перебрали и поставили баню, стайку с сеновалом, приобрели корову и куриц. Сколько было радости от такого простора, было где читать книги, в основном, на сеновале, а читала я много, наверное, оттого, что не давали читать– «запретный плод всегда сладок». С коровой добавилось работы: покос, надо было больше таскать воды из колодца за сто метров. Разрешающих бумаг на строительство дома как не было, и нет.

Отец, посовещавшись с мужиками, решил строить дом: «Будь, что будет. Неужели хватит совести выгнать из «времянки» с такой семьей?» А могли бы выгнать и очень легко. Притащили мох для дома сушить, приготовили камни для фундамента и начали копать траншею-основание. Пока тепло, надо было залить фундамент. Мужики приступили к сортировке бревен для сруба.

В нашей ребячьей компании добавились ребята постарше, среди них были трое, владеющие музыкальными инструментами. Так появились у нас гармонь-двухрядка, баян и аккордеон, от которого просто «сходили с ума».

Днем, пока светло, играли в «лапту», в «волейбол»; вечером пели песни и плясали под частушки. Устраивали «перепляс» – кто кого перепляшет. Некоторые ребята могли плясать больше одного часа, но только с кем-то в паре, в течение часа участник «перепляса» мог сменить до пяти –шести партнеров или партнерш под задорные частушки или прибаутки.

В это же лето начали пробовать «ходить» на танцы в парк под духовой оркестр, который располагался на сцене под круглой крышей в виде одной раскрытой створки «ракушки». Сама танцевальная площадка была огорожена и сделана из длинных досок толщиной пятьдесят миллиметров – «пятидесятка», (для строителей это понятно) и шириной триста пятьдесят миллиметров, но без «шпунта и гребня», получался пол с «провесами».

Вот какая-нибудь пара, да еще под «мухой» (чуть-чуть выпивши) начинает кружиться в «вальсе» и может запнуться об этот самый «провес». Из-за неустойчивости начинаются непредсказуемые движения. Пара даже может упасть, здесь и происходит самое смешное со всеми двусмысленными подсказками и советами, а нам того и надо, лишь бы от души похохотать. Оркестр продолжает играть, нас же выгоняют с танцплощадки со словами: «Малы еще ходить на такие танцы!» Больше всего и бегали на танцы из-за этих смешных сцен.

Впоследствии все-таки сделали строганный и шпунтованный пол на танцплощадке из «сороковки» (40 мм) по «черновому» полу (грубый, не строганный пол). Почему бы сразу не сделать такой пол?– Да, тогда бы и не было смешных сцен, а теперь есть что вспомнить.

Девчат и молодых женщин всегда не хватало на танцах, поэтому они были «нарасхват».Остальные парни, кому не доставалась «дама» отходили в сторону ограждения танцплощадки, но ненадолго.

Со словами: «Хватит, натанцевался!» парень бесцеремонно мог подойти к любой паре и если «дама» не возражает, мог отбить ее. Если отбить «даму» не получалось, то оба парня уходили за ограждение танцплощадки и там выясняли на кулаках: «Кто в доме хозяин?». «Дама» одна не оставалась, ее тут же подхватывал другой свободный парень и так далее. Пока те парни «выясняли» отношения, «дама» вдоволь натанцуется. Когда мы стали постарше и уже не бегали на танцы, а ходили, то нам было лестно и даже приятно, что парни за нас дерутся, как самцы «за право на любовь».

Кончилось лето, наступил новый учебный год «и пошло, и поехало»: школа, вода, чистить стайку и вывозить на огород навоз, уборную (все удобства на улице, слово «туалет» еще не знали), уроки; если позволяет погода, и на улице еще светло– любимая игра «лапта». Книги в переплете и без, рукописи без авторов(страницы которых сильно потрепаны переписывала химическим карандашом), оставались на ночь, дела, связанные со строительством дома, да разве все перечтешь? Старший из братьев пошел в первый класс -от него никакой помощи.

В конце лета мужики залили фундамент, завалили сырыми опилками, оставили на зиму, приступили к заготовке сруба. Хожу злая, охота побегать, не пускают,– скорей бы уж наступила зима: лыжи, собаки, Новый год (1956г).

За зиму научилась доить корову, освоила весь инструмент у отца вплоть до ножовки «Наградка» (в настоящее время нигде не применяемая). К концу зимы был уже готовый сруб дома и сеней. Мужики отвезли лес в столярку, предназначенный для пола, перегородок, потолка, стропил и тесовой крыши. Рамы, двери и крыльцо отец делал сам. Мама, уже заметно, в «интересном положении».

Меньше, чем через месяц привезли весь готовый пиломатериал. Мужики раскатали помеченный сруб и приступили к сборке дома на уже готовый фундамент. За весну дом собрали полностью, на шкантах в углах, только без отделки и печки.

После Майских праздников мы всей «оравой» перетащились в дом. В мае же местным печником была сложена «русская» печка, которую за лето надо было хорошо просушить, а в июне в семье появился пятый ребенок, с появлением которого меня уже было не убедить в том, что детей находят в «капусте», так как мама родила сестренку в огороде, в борозде, при родах которой я принимала непосредственное участие.

Наконец-то отец получил разрешение на строительство собственного дома. А мы уже в доме! Если бы не «нахальство» отца, мы бы еще полтора года «загорали» в бараке. Вот тогда я уже понимала, что «без бумажки ты букашка». Ведь столько народу жило в этих бараках, в таких ужасных условиях и столько же много было желающих строить собственные дома– но нельзя!

Мама с отцом и маленькой сестренкой жили во «времянке», а мы четверо детей– в доме. Вот так решался вопрос «демографии». Женщин превратили в родильных машин, а чтобы «не плодить нищету», аборты были запрещены. Сколько погибло женщин от подпольных абортов? Таких данных ни одна статистика не предоставит. Мужчины платили налог за бездетность (в народе говорили: «Налог на яйца»). В ту пору «ходил» такой анекдот про беременных женщин: «Спереди пятилетний план, сзади пьяный Иван».

Со строительством этого дома мне пришлось пройти весь технологический курс строительства от «нуля» до «коньковой отметки». Отец утверждал: «В любом доме главное – основание, фундамент и крыша– остальное ерунда». Нет, как оказалось на самом деле,– далеко не ерунда. На мои плечи взвалили конопатить стены, полностью внутреннюю отделку в доме и плюс вся остальная домашняя работа, а она не уменьшалась, только прибавлялась.

В это лето я последние два раза ходила в поход. Девчонки, такие наивные, превращались в «красивых девочек» (именно так называли нас парни постарше), а ребята одноклассники становились парнями.

Наступил последний учебный год, перестали бегать по партам, драться книгами. Поздней осенью отплясали последний «перепляс», проводили старших парней в Армию. Не стало в улице музыки,– «тоска зеленая», даже не хочется встречать Новый Год (1957), но никуда не денешься, все-таки десятый класс! Даже отец почему-то присмирел, перестал «куражиться». К чему бы «это»?

И «это» вскоре состоялось в разговоре с отцом:

–Не пора ли тебе устраиваться на работу?

–А как же школа? Осталось всего полгода.

– Ну и че, пойдешь в ШРМ (школа рабочей молодежи, только что открывшаяся в поселке).

– Ну и куда же?

– На стройку!

Меня это известие ошарашило так, как если бы ударили обухом топора по башке. Тогда бытовало мнение, что идти работать на стройку –это самое распоследнее дело, хуже уж некуда. Все мечтали о профессиях, связанных с космосом. (Осенью 1957 года был запущен первый спутник).

–Вот уж «фигушки», пока не закончу десятый класс, никуда не пойду!

Не дашь– убегу из дома!– конкретно и зло ответила ему.

Немного охладев, подумала: «Ведь и правда,– после школы куда?» Об этом как-то и не думалось. Вопрос встал «ребром»:«Кем быть?»

г. Покров, 2017г.
Максимова В.И.

Кем быть?

Как же может одно только слово перевернуть все с «ног на голову». Если бы отец, как-то по-другому и совсем другим тоном обошелся со мной, было бы все иначе. Все уже свершилось и я, затаив обиду, замкнулась в себе: -это что же выходит, отцу было все равно, учусь я или нет, а как «назло» я хотела учиться; что же, в случае чего, мне не будет никакой поддержки. Так оно и получилось в будущем.

Да, я знала, что мы живем бедно, что одну и ту же тряпку перешивала мать по несколько раз (хорошо еще выручала швейная машинка). С питанием, если бы ни корова и картошка, было бы куда хуже. В общем, какие только мысли не лезли в голову. Если бы знала, что так сложатся дела, я бы могла уйти после восьмого класса работать на шахту в рудоподъемку, и к описываемому периоду была бы на «собственных ногах» и ни от кого бы не зависела, и «черт бы мне был не брат», а теперь же я оказалась в реальной жизни: что получала гроши, работая каждое лето на посадке леса и то, что ходила на покос за десять километров, и то, сколько вывезла говна с такой семьей, и то, сколько сделано дел, связанных со строительством «времянки» и дома; одной только воды перетаскано– одному Богу известно,– и все это не в счет? Какая несправедливость! Ненавижу дом, всех ненавижу! «Вжизнь» не пойду на эту стройку: «Гори она синим пламенем!»

Так я «костерила» всех и вся, пока не успокаивалась рядом с любимейшей собакой по прозвищу «Шарик», оказавшейся в последствии «Шарой». Эта псина отлично знала и чувствовала, в каком настроении я нахожусь, если мне было плохо, и когда хотелось не реветь, а по-волчьи выть, я садилась на крыльцо близко к ней. Она ложила свои мохнатые лапы мне на плечи и так смотрела мне прямо в глаза, чуть-чуть поскуливая, как бы успокаивая, что от такой деликатности мне казалось: все-таки, собака в сто раз лучше человека. Когда в доме никого не было, (а это случалось редко), и только одним жестом приглашаешь ее в дом, то тут, не было конца радости: «улыбка», да, да, именно «улыбка» отражалась на ее (так хочется сказать на ее лице) морде. Зато лучшим куском делишься с ней; поверьте, это так приятно, не описать,– ломоть ржаного хлеба с дырками и хрустящей корочкой, обмакнутого в молоко. Сама-то я могу съесть просто кусок ржаного хлеба (в то время его «черным» не называли), посыпанный солью и чуть-чуть накапанный растительным маслом. Только в кругу преданных собак можно отойти от такого препротивного душевного состояния, чтобы не «застрелиться». Заступил в свои права 1957 год. В новогодние каникулы решила предъявить всем своим домочадцам определенные требования (ну, значит «санкции», как нынче выражаются): на елку в школу не пошла «за неимением времени», да особо никто и не звал, кому какое дело до моих душевных потрясений? К конопатке стен в доме «близко не подхожу». Отделка в доме «пусть подождет до лучших времен». Посуду мою только после себя и мамы, ставлю ее на «горку» на самый верх, чтобы «мелочь пузатая» не могла дотянуться. Баню топлю только на неделе для себя, мамы и сестренки (а так топили каждую субботу, в воскресенье стирали).

Воду таскаю из колодца на коромысле только для питья, а для бани, коровы и хозяйственных нужд беру из огороженного приямка в огороде. Хожу на лыжах одна с Шарой, корову дою, если попросит мама. Две печки «голландку» и топливник у «русской» топлю обязательно, иначе будет в доме холодно. Санки «волокуши» для вывоза навоза из стайки валяются– пусть валяются, «хлеба не просят». Какая же«красота»! Столько свободного времени появилось,– хоть книжку читай, хоть спектакль слушай по радиостанции «Маяк».

Буквально через три дня получаю ответ на мои «санкции». Надо же! Сработала моя затея, чтобы мои домочадцы на собственной «шкуре» почувствовали, как это все достается, сколько надо времени на «все про все». В первую очередь отец расколол дрова, натаскал их в баню и домой в «подпечник», а то все время нам с матерью говорил: «Вам надо, вы и колите!» А ему «видно» не надо, очень интересно было узнать: «сколько бы времени он выдержал в холодном доме, если бы его не топить, да еще в мороз?» Затем отремонтировал разбитый «толчек» в уборной. Следующее дело– просто «фантастика»: и как это он додумался сделать съемное

окошечко в стайке, чтобы навоз не вывозить на «волокуше» в огород, а выбрасывать «напрямую» через это оконце. Ведь я ему уже, как с полгода «талдычу» одно и тоже: «сколько же можно мотаться с этим говном по огороду, брошу все к «черту» и не подойду больше к этой «долбанной» стайке. Наконец-то сбылась моя мечта, видно так уж «подперло», что бедной коровушке, -нашей спасительнице негде было лечь. Смотрю дальше и вижу: приямок углублен, и брошена в него березовая чурка, чтобы поверхность воды полностью не замерзала; по бокам приямка лежат доски для тепла. Прихожу домой, и там громаднейшие изменения: «горка» помыта, даже следы от ножа видны на реечках для посуды, что удивительно, вся посуда помыта, даже моя миска. Как же малышня мою миску достали, с такой высоты? Наверное, мама помогла. Вот таким способом я добилась главного: хоть немного, но все-таки какая-то помощь была бы от ребятишек, да и попробовать «вкус» труда. Маленькая, но победа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.